

СТЕФАН ЦВЕЙГ

Письмо незнакомки

Стефан Цвейг

Письмо незнакомки

Серия «Магистраль. Коллекция»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74063612
ISBN 978-5-04-248932-7

Аннотация

Австрийскому писателю Стефану Цвейгу как никому другому удалось откровенно и вместе с тем максимально тактично передать словами всю остроту чувственных переживаний и тончайшие движения человеческой души. Новеллы Цвейга увлекательны по сюжетам, полны драматического накала и напряжения и показывают, насколько беззащитно человеческое сердце, как превратны людские судьбы, на какие свершения, а порой преступления, толкает человека страсть.

Заглавная новелла сборника «Письмо незнакомки» – это шокирующая история любви. Что делать, если твои чувства не взаимны? Какова грань между любовью и безумием? Известный писатель получает письмо от женщины, которая любила его всю жизнь. Она открывает ему неожиданную тайну...

В сборник включены самые лиричные, самые проникновенные новеллы писателя.

Содержание

Гувернантка	5
Жгучая тайна	27
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Стефан Цвейг

Письмо незнакомки

Stefan Zweig

BRIEF EINER UNBEKANNTEN

Гувернантка. – Перевод П. Бернштейн

Жгучая тайна. – Перевод П. Бернштейн

Амок. – Перевод П. Бернштейн

Фантастическая ночь. – Перевод И. Мандельштама

Письмо незнакомки. – Перевод Д. Горфинкеля

Улица в лунном свете. – Перевод И. Мандельштама

Двадцать четыре часа из жизни женщины. – Перевод Л.

Вольфсон

Закат одного сердца. – Перевод П. Бернштейн

Незримая коллекция. – Перевод Г. Еременко

Мендель-букинист. – Перевод П. Бернштейн

Принуждение. – Перевод П. Бернштейн

Случай на Женевском озере. – Перевод П. Бернштейн

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Гувернантка

Сестры одни в своей комнате. Свет погашен. Между ними темнота, только слабо белеют постели. Почти не слышно их дыхания; можно подумать, что они уснули.

– Послушай, – раздается голос двенадцатилетней девочки; тихо, почти робко, шлет она призыв во мрак.

– Что тебе? – отвечает со своей кровати сестра; она всего годом старше.

– Ты еще не спишь? Это хорошо. Я... мне хочется что-то рассказать тебе.

Молчание. Слышен лишь шорох в постели. Сестра приподнялась, она выжидающе смотрит: можно различить, как блестят ее глаза.

– Знаешь... я хотела сказать тебе... Но раньше ты скажи: ты ничего не заметила в нашей фройлейн?

Другая медлит в раздумье.

– Да, – говорит она, – но я не знаю, что это. Она не такая строгая, как раньше. Недавно я два дня подряд не приготовила урока, и она мне ничего не сказала. И потом она какая-то... не знаю, как это сказать. Я думаю, ей совсем не до нас: она все время сидит в стороне и больше не играет с нами.

– Мне кажется, у нее какое-то горе, но она не хочет этого показать. И на рояле она совсем не играет.

Снова молчание.

Старшая сестра напоминает:

– Ты хотела что-то рассказать.

– Да, но ты никому не скажешь? Ни маме, ни твоей подруге?

– Да нет, не скажу, – сердится та. – Ну, говори!

– Так вот... Сейчас, когда мы ложились спать, я вдруг вспомнила, что забыла сказать фройлейн «спокойной ночи». Башмаки я уже сняла, но все-таки побежала к ней в комнату тихо-тихо – я хотела пошутить, застать ее врасплох. Я осторожно открываю дверь. Сперва мне показалось, что ее нет в комнате. Свет горит, а ее не видно. И вдруг – я так испугалась – слышу, кто-то плачет. Смотрю – а она, одетая, лежит на кровати и уткнулась головой в подушку. Как она плакала! Я даже вся затряслась. Но она меня не заметила. И я опять тихонечко притворила дверь. Я так дрожала, что не могла двинуться с места. Потом опять услышала через дверь, как она плачет, и поскорее сбежала вниз.

Обе молчат.

– Бедная фройлейн, – говорит одна из них. Трепетный звук ее голоса замирает в темноте.

– Хотела бы я знать, отчего она плакала, – начинает младшая. – Она ведь ни с кем не поссорилась, мама тоже наконец оставила ее в покое, не придирается, а мы-то уж наверно ей ничего не сделали. Отчего же она так плачет?

– Я, кажется, понимаю, – говорит старшая.

– Отчего, скажи мне, отчего?

Сестра медлит. Наконец она говорит:

– Я думаю, что она влюблена.

– Влюблена? – Младшая чуть не выскочила из постели. –

Влюблена? В кого?

– Ты ничего не заметила?

– Неужели в Отто?

– Конечно. И он в нее влюблен. Ведь он у нас уже три года живет и никогда не гулял с нами, а в последнее время каждый день гуляет. Разве он был когда-нибудь ласков со мной или с тобой, пока не было фройлейн? А теперь он весь день вертится около нас. Мы всегда встречаем его случайно, куда бы ни пошли вместе с фройлейн, – в Народный парк, в Городской сад, в Пратер. Ты разве этого не заметила?

Младшая испуганно шепчет:

– Да... да, я это заметила. Только я думала, что...

Голос ей изменяет. Она больше не произносит ни слова.

– Раньше я тоже так думала. Ведь мы, девчонки, такие глупые. Но я вовремя поняла, что мы для него только предлог.

Теперь обе молчат. Разговор как будто окончен.

Обе погружены в свои мысли, или, быть может, их уже сморил сон.

Но еще раз из мрака слышится растерянный голос младшей:

– Но отчего же она плачет? Он ведь любит ее. Я всегда думала: как это хорошо – быть влюбленной.

– Не знаю, – говорит старшая сонным голосом, – я тоже думала, что это очень хорошо.

И еще раз, тихо и жалостливо, слетает с губ засыпающей девочки:

– Бедная фройлейн!

В комнате воцаряется тишина.

На другое утро они об этом больше не говорят, но обе чувствуют, что мысли их вертятся вокруг одного и того же. Они обходят друг друга, прячут глаза, но взгляды их невольно встречаются, когда они украдкой посматривают на гувернантку. За столом они наблюдают за кузенком Отто, который уже давно живет у них в доме, как за чужим. Они с ним не разговаривают, но, под опущенными веками, глаза их ищут следя, не подаст ли он знака фройлейн. Они обе встревожены волнующей тайной. После обеда они не играют, как обычно, а хватаются то за одно, то за другое, и все валится у них из рук. Только вечером одна холодно спрашивает другую, точно это ее мало интересует:

– Ты опять что-нибудь заметила?

– Нет, – отвечает сестра, отворачиваясь.

Обе как будто боятся разговора.

Так проходит несколько дней; девочки молчат, они томятся безотчетной тревогой, пытаются разгадать заманчивую тайну. Наконец, младшая во время обеда замечает, что гувернантка делает Отто знак глазами. Он отвечает кивком

головой. Девочка дрожит от волнения. Под столом она тихонько касается руки старшей сестры и, когда та оборачивается, бросает ей сверкающий взгляд. Та мигом все понимает, волнение сестры передается и ей.

Едва они встали из-за стола, как гувернантка обращается к девочкам:

– Пойдите к себе и займитесь чем-нибудь. У меня болит голова, я хочу отдохнуть полчаса.

Дети опускают глаза. Они тихонько подталкивают друг друга. Как только гувернантка ушла, младшая говорит сестре:

– Вот увидишь, сейчас Отто пойдет к ней в комнату.

– Конечно. Потому-то она нас и уснула.

– Давай подслушивать у двери!

– А вдруг кто-нибудь придет?

– Кто может прийти?

– Мама.

Девочка пугается:

– Да, верно...

– Знаешь что? Я буду подслушивать, а ты останешься в коридоре и подашь мне знак, если кто-нибудь придет. Так нас не поймают.

Младшая хмурится.

– Но ты же мне ничего не расскажешь!

– Расскажу!

– Все расскажешь? Все-все?

– Все расскажу, честное слово. А ты кашляй, если услышишь, что кто-нибудь идет.

Обе ждут в коридоре. У них колотится сердце. Что-то будет? Они дрожат и жмутся друг к другу.

Шаги. Девочки убегают, прячутся в темный угол. Так и есть: это Отто. Он берется за ручку, дверь за ним закрывается. Старшая бросается к двери, прикладывает ухо, прислушивается, затаив дыхание. Младшая с завистью смотрит на сестру. Любопытство мучит ее, она покидает свой пост, подкрадывается к сестре, но та сердито отталкивает ее. Она возвращается на свое место. Проходят две-три минуты, которые кажутся ей вечностью. Ее гложет нетерпение, она приплясывает, как на горячих углях, она готова расплакаться от волнения и злости, что сестра все слышит, а она ничего. Но вот в конце коридора хлопает дверь. Девочка громко кашляет. Обе опрометью кидаются в свою комнату. Там они стоят с минуту, тяжело дыша, с бьющимся сердцем.

Потом младшая торопит сестру:

– Ну, скорей... рассказывай!

Старшая стоит в раздумье. Наконец, говорит с недоумением, словно отвечая не сестре, а себе самой:

– Ничего не понимаю.

– Что?

– Это так чудно.

– Что?.. Что?.. – задыхаясь, спрашивает младшая.

Старшая пытается объяснить, сестренка крепко прижа-

лась к ней, чтобы не упустить ни одного слова.

– Это так чудно... совсем не так, как я думала. Он вошел в комнату и, должно быть, хотел ее обнять или поцеловать, потому что она сказала: «Оставь, мне нужно поговорить с тобой серьезно». Мне ничего не было видно, ключ торчал изнутри, но я все слышала. «В чем дело?» – спросил Отто, но совсем по-другому, чем всегда. Он ведь всегда говорит громко и нахально, а тут вдруг оробел – я сразу поняла, что он чего-то боится. И она, наверно, заметила, что он притворяется, она сказала тихо-тихо: «Ты же знаешь». – «Нет, – говорит он, – я ничего не знаю». – «Вот как? – сказала она, а сама чуть не плачет. – Отчего же ты вдруг переменялся ко мне? Вот уже неделя, как ты не говоришь со мною ни слова, убегаешь от меня, не ходишь гулять с детьми, не бываешь в парке. Неужели я сразу стала тебе чужой? О, ты прекрасно знаешь, почему ты стал так холоден». Он помолчал, а потом говорит: «У меня скоро экзамены, я должен много заниматься, и у меня ни для чего другого нет времени. Теперь я не могу иначе». Она заплакала и сказала ему сквозь слезы, но так нежно и ласково: «Отто, зачем ты лжешь? Скажи правду, неужели я этого не заслужила? Я ведь ничего от тебя не требую, но все-таки должны же мы хоть поговорить об этом. Ты же знаешь, что я хочу тебе сказать, по глазам вижу». – «Что же?» – пробормотал он совсем, совсем тихо. И тут она сказала...

Девочка начинает вдруг дрожать от волнения и не может

выговорить ни слова. Младшая еще крепче прижимается к ней.

– Что же... что?

– И тут она сказала: «Ведь у меня ребенок от тебя».

Младшая вся вскидывается:

– Ребенок? Ребенок? Этого быть не может!

– Она так сказала.

– Тебе послышалось.

– Нет, нет! Он тоже, вот как ты, крикнул: «Ребенок?» Она все молчала, а потом говорит: «Что теперь будет?» Ну, и тут...

– Что?

– Тут ты кашлянула, и я убежала.

Младшая растерянно смотрит прямо перед собой:

– Ребенок! Этого быть не может. Где же у нее ребенок?

– Не знаю. Вот этого-то я и не могу понять.

– Может быть, где-нибудь дома... раньше, чем она поступила к нам. Мама, конечно, не позволила ей взять его с собой из-за нас. Потому она такая грустная.

– Чепуха! Ведь тогда она даже не знала Отто.

Они умолкают, долго думают, но не находят разгадки. Это их мучает. Первой заговаривает младшая:

– Ребенок – этого быть не может! Откуда у нее возьмется ребенок? Она ведь не замужем, а только у замужних бывают дети, это я знаю наверное.

– Может быть, она была замужем.

– Не говори глупостей, не за Отто же!

– Но откуда же...

Девочки растерянно глядят друг на друга.

– Бедная фройлейн, – печально говорит одна из них.

То и дело срываются с их уст эти слова со вздохом глубокого сострадания. И тут же снова вспыхивает любопытство.

– Как ты думаешь – девочка или мальчик?

– Почему я знаю?

– А если... если бы ее спросить... осторожноенько?..

– Ты с ума сошла!

– Почему? Она ведь такая добрая.

– Разве это можно? Нам о таких вещах не говорят. От нас все скрывают. Когда мы входим в комнату, они обрывают разговор и начинают болтать всякие глупости с нами, как будто мы маленькие дети, а ведь мне уже тринадцать лет. Зачем же их спрашивать? Нам все равно скажут неправду.

– А как хочется узнать!

– А мне, думаешь, не хочется?

– Знаешь... что мне совсем непонятно, это – что Отто ничего не знал. Всякий знает, что у него есть ребенок, как всякий знает, что у него есть родители.

– Он представляется, негодяй, он вечно представляется.

– Но не в таких же делах. Только... только... когда он хочет нас надуть...

Входит фройлейн. Они сразу умолкают и делают вид, что занимаются. Но украдкой они искоса поглядывают на нее.

Ее глаза как будто покраснели, голос еще тише, чем обычно, и дрожит. Присмиревшие девочки смотрят на нее с благоговейным трепетом. Их не покидает мысль: «У нее ребенок, потому она такая печальная». И мало-помалу ее печаль передается им.

На другой день, за обедом, они узнают неожиданную новость: Отто оставляет их дом. Он заявил своему дяде, что экзамены на носу и он должен усиленно готовиться, а тут ему мешают работать. Он наймет себе где-нибудь комнату на один-два месяца, пока не кончатся экзамены.

Девочек охватывает неистовое волнение. Они угадывают тайную связь этого события со вчерашним разговором, своим обостренным инстинктом чувствуют какую-то подлость, трусливое бегство. Когда Отто прощается с ними, они дерзко поворачиваются к нему спиной. Но исподтишка следят за ним, когда он подходит к фройлейн. У фройлейн дрожат губы, но она спокойно, не говоря ни слова, подает ему руку.

За последние дни девочек точно подменили. Они не играют, не смеются, глаза утратили веселый, беззаботный блеск. Ими владеют беспокойство и растерянность, угрюмое недоверие ко всем окружающим. Они больше не верят тому, что им говорят, в каждом слове подозревают ложь или умысел. Целыми днями они высматривают и наблюдают, следят за каждым движением, ловят каждый жест, каждую интонацию. Как тени, они бродят по комнатам, подслушивают у дверей, пытаясь что-нибудь узнать; со всей страстью силят-

ся они стряхнуть с себя темную сеть загадок и тайн или бросить хоть один взгляд сквозь нее на мир действительности. Детская вера – эта счастливая, безмятежная слепота – покинула их. А кроме того, они предчувствуют, что это еще не конец, что надо ждать развязки, и боятся упустить ее. С тех пор как дети знают, что они опутаны ложью, они стали придиричивы, подозрительны, сами начали хитрить и притворяться. В присутствии родителей они надевают на себя личину детской простоты и проявляют чрезмерную живость. Они возбуждены, взвинчены, их глаза, прежде светившиеся мягким и ровным блеском, теперь горят лихорадочным огнем, взгляд стал глубже, пытливей. Они так одиноки в своем постоянном выслеживании и подглядывании, что все сильнее привязываются друг к другу. Иногда, повинувшись внезапно вспыхнувшей потребности в ласке, они порывисто обнимаются или, подавленные сознанием своего бессилия, вдруг начинают плакать. Без всякой, казалось бы, причины в их жизни наступил перелом.

Среди многих обид, к которым они стали теперь очень чувствительны, одна особенно задевает их. Точно сговорившись, обе стараются доставлять своей опечаленной фройлейн как можно больше радости. Уроки свои они готовят прилежно и тщательно, помогая друг другу; их не слышно, они не подают никакого повода к жалобам, предупреждают каждое ее желание. Но фройлейн ничего не замечает, и им это очень больно. Она стала совсем другой в последнее

время. Часто, когда одна из девочек обращается к ней, она вздрагивает, как будто ее разбудили; взгляд у нее такой, точно он медленно возвращается откуда-то издалека. Часами она сидит не двигаясь, погруженная в раздумье. Девочки ходят на цыпочках вокруг нее, чтобы не мешать ей; они смутно угадывают, что она думает о своем ребенке, который где-то далеко. И все сильнее, все крепче, подымаясь из глубин пробуждающейся женственности, становится их любовь к фройлейн, которая теперь совсем не строгая, а такая милая и ласковая. Ее обычно быстрая и горделивая походка стала смиреннее, движения осторожнее, и во всем этом дети усматривают признаки печали. Слез ее они не видят, но веки ее часто красны. Они замечают, что фройлейн старается скрыть от них свое горе, и они в отчаянии, что не могут ей помочь.

И вот однажды, когда фройлейн отвернулась к окну и провела платком по глазам, младшая, набравшись храбрости, тихонько берет ее за руку и говорит:

– Фройлейн, вы такая грустная последнее время. Это не наша вина, не правда ли?

Фройлейн растроганно смотрит на девочку и проводит рукой по ее мягким волосам.

– Нет, дитя, нет, – говорит она, – конечно, не ваша, – и нежно целует ее в лоб.

Так они выслеживают и наблюдают, не упуская ничего, что попадает в их поле зрения. И вот одна из них, войдя в

столовую, уловила несколько слов. Это была всего одна фраза, – родители тотчас же оборвали разговор, – но каждое слово вызывает у них теперь тысячу предположений. «Мне тоже что-то показалось, – сказала мать, – я учиню ей допрос». Девочка сначала отнесла это к себе и, полная тревоги, бросилась к сестре за советом и помощью. Но за обедом они замечают, что родители испытующе посматривают на задумчивое лицо фройлейн, а потом переглядываются между собой.

После обеда мать, как бы между прочим, обращается к фройлейн:

– Зайдите, пожалуйста, ко мне в комнату. Мне нужно с вами поговорить.

Фройлейн молча наклоняет голову. Девочки дрожат, они чувствуют: сейчас что-то должно случиться.

И как только фройлейн входит в комнату матери, они бегут вслед за ней. Приникать к замочной скважине, подслушивать и выслеживать – стало для них обычным делом. Они уже не чувствуют ни неприличия, ни дерзости своего поведения: у них только одна мысль – раскрыть все тайны, которыми взрослые заслоняют от них жизнь.

Они подслушивают. Но до их слуха доносится только невнятный шепот. Их бросает в дрожь. Они боятся, что все ускользнет от них.

Но вот за дверью раздается громкий голос. Это голос их матери. Он звучит сердито и злобно.

– Что же вы думали? Что все люди слепы и никто этого не

заметит? Могу себе представить, как вы исполняли свои обязанности с такими мыслями и с такими нравственными правилами. И вам я доверила воспитание своих дочерей, своих девочек! Ведь вы их совсем забросили!..

Фройлейн, видимо, что-то возражает. Но она говорит слишком тихо, и дети ничего не могут разобрать.

– Отговорки, отговорки! У легкомысленной женщины всегда наготове отговорки. Отдается первому встречному, ни о чем не думая. А там – что бог даст. И такая хочет быть воспитательницей, берется воспитывать девочек! Просто наглость! Надеюсь, вы не рассчитываете, что я вас и дальше буду держать в своем доме?

Дети подслушивают у двери. Они дрожат от страха; они ничего не понимают, но их приводит в ужас негодующий голос матери; а теперь они слышат в ответ тихие, безудержные рыдания фройлейн. По щекам у них текут слезы, но голос матери становится еще более грозным.

– Это все, что вы умеете, – проливать слезы. Меня вы этим не возьмете. К таким женщинам у меня нет жалости. Что с вами теперь будет, меня совершенно не касается. Вы сами знаете, к кому вам нужно обратиться, я вас даже не спрашиваю об этом. Я знаю только одно: после того как вы так низко пренебрегли своим долгом, вы и дня не останетесь в моем доме.

В ответ – только рыдания, отчаянные, безутешные рыдания, от которых девочек за дверью трясет как в лихорад-

ке. Никогда они не слышали такого плача. И смутно они чувствуют: кто так плачет, не может быть виноватым. Мать умолкла и, видимо, ждет. Потом она холодно говорит:

– Вот все, что я хотела вам сказать. Уложите сегодня свои вещи и завтра утром приходите за жалованьем. Прощайте!

Дети отскакивают от дверей и спасаются в свою комнату. Что это было? Будто молния ударила в двух шагах от них. Они стоят бледные, трепещущие. Впервые перед ними открылась действительность. И впервые они осмеливаются восстать против родителей.

– Это подло со стороны мамы так говорить с ней! – бросает старшая, кусая губы.

Младшую еще пугает дерзость сестры.

– Но мы ведь даже не знаем, что она сделала, – лепечет она жалобно.

– Наверное, ничего дурного. Фройлейн не сделает ничего дурного. Мама ее не знает!

– А как она плакала! Мне стало так страшно.

– Да, это было ужасно. Но как мама на нее кричала! Это было подло, слышишь, подло!

Она топает ногой. Слезы застилают ей глаза. Но вот входит фройлейн. Она выглядит очень усталой.

– Дети, я занята сегодня после обеда. Вы побудете одни, хорошо? На вас ведь можно положиться? А вечером я к вам приду.

Она уходит, не замечая волнения девочек.

– Ты видела, какие у нее заплаканные глаза? Я не понимаю, как мама могла с ней так обойтись.

– Бедная фройлейн!

Опять прозвучали эти слова, полные сострадания и слез. Девочки подавлены и растеряны. Входит мать и спрашивает, не хотят ли они покататься с ней. Они отказываются. Мать внушает им страх. И они возмущены, что им ничего не говорят об уходе фройлейн. Они предпочитают остаться одни. Как две ласточки в тесной клетке, они снуют взад и вперед, задыхаясь в душной атмосфере лжи и замалчивания. Они раздумывают, не пойти ли им к фройлейн – спросить ее, уговорить остаться, сказать ей, что мама не права. Но они боятся обидеть ее. И потом им стыдно: все, что они знают, они ведь подслушали и выследили. Нужно представляться глупыми, такими же глупыми, какими они были две-три недели тому назад. Они остаются одни, и весь нескончаемо долгий день они размышляют, плачут, а в ушах неотступно звучат два страшных голоса – злобная, бессердечная отповедь матери и отчаянные рыдания фройлейн.

Вечером фройлейн мельком заглядывает в детскую и говорит им «спокойной ночи». Девочки волнуются; им жаль, что она уходит, хочется что-нибудь еще сказать ей. Но вот, уже подойдя к двери, фройлейн вдруг сама оборачивается – как будто остановленная их неммым желанием, – на глазах у нее слезы. Она обнимает девочек, те плачут навзрыд; фройлейн еще раз целует их и быстро уходит.

Дети горько рыдают. Они чувствуют, что это было прощание.

– Мы ее больше не увидим! – говорит одна сквозь слезы. – Вот посмотришь – когда мы завтра придем из школы, ее уже не будет.

– Может быть, мы когда-нибудь навестим ее. Тогда она, наверное, покажет нам своего ребенка.

– Да, она такая добрая.

– Бедная фройлейн! – Горестные слова звучат как вздох о своей собственной судьбе.

– Как же мы теперь будем без нее?

– Я никогда не полюблю другую фройлейн.

– Я тоже.

– Ни одна не будет так добра к нам. И потом...

Она не решается договорить. Но с тех пор как они знают про ее ребенка, безотчетное женское чутье подсказывает им, что их фройлейн достойна особенной любви и уважения. Обе беспрестанно думают об этом, и теперь уже не с прежним детским любопытством, но с умилением и глубоким сочувствием.

– Знаешь что, – говорит одна из них, – мы...

– Что?

– Знаешь, мне бы хотелось порадовать чем-нибудь фройлейн. Пусть она знает, что мы ее любим и что мы не такие, как мама. Хочешь?

– Как ты можешь спрашивать!

– Я подумала, – она ведь очень любит белую гвоздику. Давай завтра утром, перед школой, купим цветы и поставим ей в комнату.

– Когда поставим?

– В обед.

– Ее, наверное, уже не будет. Знаешь, я лучше сбегаю рано-рано и принесу потихоньку, чтобы никто не видел. И мы поставим их к ней в комнату.

– Хорошо. И встанем пораньше.

Они достают копилки и честно высыпают на стол все деньги. Теперь они повеселели, их радует мысль, что они еще смогут выразить фройлейн свою немую, преданную любовь.

Они встают чуть свет, с душистыми, свежими гвоздиками в дрожащих руках они стучатся в дверь к фройлейн; но ответа нет. Решив, что фройлейн еще спит, они входят на цыпочках. Комната пуста, постель не смята. Вещи разбросаны в беспорядке, на темной скатерти белеют письма.

Дети пугаются. Что случилось?

– Я пойду к маме, – решительно заявляет старшая.

И без малейшего страха, с мрачным выражением глаз, она появляется перед матерью и спрашивает в упор:

– Где наша фройлейн?

– Она, вероятно, у себя в комнате, – отвечает мать, с удивлением глядя на дочь.

– В комнате ее нет, постель не смята. Она, должно быть,

ушла еще вчера вечером. Почему нам ничего не сказали?

Мать даже не замечает сердитого, вызывающего тона вопроса. Она побледнела, идет к отцу, тот быстро скрывается в комнате фройлейн.

Он долго не выходит оттуда. Девочка гневными глазами следит за матерью, которая, по-видимому, сильно взволнована и не решается встретиться с нею взглядом.

Отец возвращается. Он очень бледен, у него в руках письмо. Он уводит мать в комнату фройлейн, там они шепчутся о чем-то. Дети стоят за дверью, но подслушивать не решаются. Они боятся отца: таким они его еще никогда не видали.

Мать выходит из комнаты с заплаканными глазами, очень расстроенная. Дети, испуганные и смятенные, невольно подбегают к ней с вопросами. Но она резко останавливает их:

– Идите в школу, вы опоздаете.

И девочки покорно уходят. Как во сне, сидят они на уроках четыре, пять часов, но не слышат ни слова. Потом опрометью бегут домой.

Там все по-старому, только чувствуется, что всех угнетает одна страшная мысль. Никто ничего не говорит, но все, даже прислуга, глядят как-то странно. Мать идет девочкам навстречу. Она, видимо, приготовилась к разговору с ними.

– Дети, – начинает она, – ваша фройлейн больше не вернется, она...

Слова застревают у нее в горле. Сверкающие глаза девочек так грозно впились ей в лицо, что она не осмеливается

солгать. Она отворачивается и торопливо уходит, спасается бегством в свою комнату.

После обеда вдруг появляется Отто. Его вызвали, для него оставлено письмо. Он тоже бледен. Растерянно озирается. Никто с ним не заговаривает. Все избегают его. Он видит забившихся в угол девочек и хочет с ними поздороваться.

– Не подходи ко мне! – говорит одна, содрогаясь от отвращения. Другая плюет перед ним на пол. Смущенный, оробевший, он слоняется по комнатам. Потом исчезает.

Никто не разговаривает с детьми. Они сами тоже хранят молчание. Бледные, испуганные, они бродят из комнаты в комнату; встречаясь, смотрят друг на друга заплаканными глазами и не говорят ни слова. Они знают теперь все. Они знают, что им лгали, что все люди могут быть дурными и подлыми. Родителей они больше не любят, они потеряли веру в них. Они знают, что никому нельзя доверять. Теперь вся чудовищная тяжесть жизни ляжет на их хрупкие плечи. Из веселого уюта детства они как будто упали в пропасть. Они еще не могут постигнуть всего ужаса происшедшего, но мысли их прикованы к нему и грозят задушить их. На щеках у них выступили красные пятна, глаза злые, настороженные. Они ежатся, точно от холода, не находя себе места. Никто, даже родители, не решается к ним подступить, так гневно они смотрят на всех. Безостановочное блуждание по комнатам выдает терзающее их волнение, и, хотя они не говорят друг с другом, пугающая общность между ними ясна

без слов. Это молчание, непроницаемое, ни о чем не спрашивающее молчание, упрямая, замкнувшаяся в себе боль, без криков и без слез, внушает страх и отгораживает их от всех остальных. Никто не подходит к ним, доступ к их душам закрыт – быть может, на долгие годы. Все чувствуют в них врагов, врагов беспощадных, которые больше не умеют прощать. Ибо со вчерашнего дня они уже не дети.

В один день они стали взрослыми. И только вечером, когда они остались одни, во мраке своей комнаты, пробуждается в них детский страх – страх перед одиночеством, перед призраком умершей, и еще другой, вещий страх – перед неизвестным будущим. Среди общего смятения позабыли вытопить их комнату. Дрожа от холода, они ложатся в одну постель, тонкими детскими руками крепко обнимают друг друга, прижимаются друг к другу своими худенькими, еще не расцветшими телами, как бы ища защиты от охватившего их страха. Они все еще боятся заговорить. Наконец, младшая разражается слезами, и старшая горько рыдает вместе с ней. По их лицам, мешаясь, текут горячие слезы – сперва медленно, потом все быстрее и быстрее. Сжимая друг друга в объятиях, грудь с грудью, они горько плачут и содрогаются от рыданий. Обе они – одна боль, одно тело, плачущее во мраке. Они оплакивают уже не свою фройлейн, не родителей, которые потеряны для них, ими владеет ужас – страх перед тем, что их ждет в неведомом мире, в который они бросили сегодня первый испуганный взгляд. Их страшит

жизнь, в которую они вступают, таинственная и грозная, как темный лес, через который они должны пройти.

Мало-помалу чувство страха туманится, сменяется дремотой, утихают рыдания. Их ровное дыхание сливается воедино, как сливались только что их слезы, и, наконец, они засыпают.

Жгучая тайна

Партнер

Паровоз хрипло засвистел: поезд достиг Земмеринга¹. Черные вагоны на минуту останавливаются в серебристом высокогорном свете, несколько пассажиров входят, другие выходят, перекликаются сердитые голоса, и уже снова свистит впереди осипшая машина, увлекая за собой в пещеру туннеля черную гроыхающую цепь. Опять вокруг расстилается чисто выметенный влажным ветром ясный, мирный ландшафт.

Один из прибывших, молодой человек, выгодно отличавшийся от других изяществом одежды и легкой, непринужденной походкой, обогнав всех остальных, первым нанял фиакр и поехал в гостиницу. Лошади не спеша затрусили по крутой горной дороге. В воздухе чувствовалась весна. В небе порхали облака, белые, резвые, какими они бывают только в мае и июне, когда, беспечные, юные, они мчатся, играя, по синей дороге, то прячутся за высокие горы, то обнимаются и убегают, то сжимаются в платочек, то разрываются на полоски и, наконец, дурачась, нахлобучивают белые шапки на

¹ Земмеринг – зимний курорт в Штирийских Альпах.

вершины гор. Не отставал от них и ветер: он так буйно раскачивал тощие, еще влажные после дождя деревья, что они похрустывали суставами и, словно искры, рассыпали тысячи капель. Порою с вершин доносился свежий запах снега, и тогда воздух становился одновременно и сладким и терпким. Все на небе и на земле было полно движения и нетерпеливо бродивших сил. Лошади, пофыркивая, весело бежали теперь под гору, далеко разносился звон их бубенцов.

В гостинице молодой человек первым делом просмотрел список приезжих, но тут же отложил его. «Зачем, собственно, я приехал сюда? – с досадой спросил он себя. – Сидеть тут на горе, без общества – это, право, хуже, чем в канцелярии. Очевидно, я приехал не то слишком рано, не то слишком поздно. Вот всегда так – не везет с отпуском. Ни одной знакомой фамилии не нашел. Хоть бы какие-нибудь женщины, на худой конец – маленький, невинный флирт, чтобы не проскучать всю неделю».

Молодой человек – барон, принадлежавший к не слишком родовой семье австрийской чиновной знати, – служил в правительственном учреждении; в отдыхе он не нуждался, но взял недельный отпуск потому, что все коллеги выхлопотали себе весенние каникулы, и он тоже пожелал воспользоваться этим правом.

Его нельзя было назвать пустым малым, но без общества он жить не мог; всеобщий любимец, повсюду принимаемый с распростертыми объятиями, он не переносил одиночества

и отлично знал это. Не имея ни малейшей склонности оставаться наедине с самим собою, он по возможности избегал этих встреч, ибо отнюдь не стремился к более близкому знакомству со своей особой. Он знал, что ему нужно соприкосновение с людьми, чтобы могли развернуться все его таланты – его любезность, его темперамент; в одиночестве он был холоден и бесполезен, как спичка в коробке.

Он слонялся по пустому вестибюлю, то рассеянно перелистывал журналы, то заходил в гостиную, садился за рояль и наигрывал вальс, – но ритм ему не давался. Наконец, раздосадованный, он уселся у окна и стал смотреть, как медленно спускались сумерки и из-за сосен, клубясь, подымался седой туман. Так убил он, злясь и нервничая, целый час, потом отправился в столовую.

Там было занято всего несколько столиков; он быстро окинул их взором. Тщетно! Ни одного знакомого. Вон там – он небрежно ответил на поклон – берейтор с ипподрома да еще одно знакомое лицо с Рингштрассе – и больше никого. Ни одной женщины, никакой надежды хотя бы на мимолетное приключение. Это еще больше обозлило его. Он принадлежал к числу тех молодых людей, которые благодаря своей красивой наружности пользуются успехом и всегда готовы к новым победам, всегда ищут новых приключений; их ничто не смущает, ибо все заранее рассчитано, ни одна добыча не ускользнет от них; уже первый взгляд, который они бросают на женщину, оценивает ее с этой стороны – будь

то жена друга или ее горничная. Про таких людей часто говорят с презрительной усмешкой, что они охотники за женщинами, не отдавая себе отчета, как метко это сказано, ибо они с не меньшей страстью и жестокостью, чем охотники за дичью, выслеживают, травят свою жертву. Они всегда начеку, всегда готовы идти по следу, куда бы он их ни завел. В них всегда тлеет огонь, но это не жар любящего сердца, а страсть игрока, холодная, расчетливая и опасная. Среди таких людей есть упорные, для которых не только юность, но вся жизнь до старости – сплошная цепь любовных похождения; их день распадается на сотни мелких чувственных впечатлений – беглый взгляд, мимолетная улыбка, прикосновение к колену соседки, – а год – опять-таки на сотни таких дней; погоня за женщинами – вот их единственный и постоянный стимул к жизни.

Здесь не было партнера для игры, барон сразу увидел это. Нет большей досады для игрока, в предвкушении выигрыша сидящего за зеленым столом с картами в руках, как тщетное ожидание партнера. Барон потребовал газету. Его хмурый взгляд скользил по строчкам, но мысли дремали и точно пьяные спотыкались о слова.

Вдруг он услышал позади себя шелест платья и голос, проговоривший укоризненно и жеманно:

– Mais tais-toi donc, Edgar².

Мимо его стола прошумело шелковое платье и проплыла

² Помолчи, Эдгар (фр.).

высокая, пышная фигура; за ней шел маленький, бледный мальчуган в черном бархатном костюме, бросивший на барона любопытный взгляд. Они сели против него за оставленный для них стол. Мальчик явно старался вести себя чинно, но, судя по беспокойному блеску его черных глаз, это давалось ему нелегко. Дама – барон смотрел только на нее – была одета хорошо, со вкусом и принадлежала к тому типу женщин, который особенно нравился барону: несколько полная еврейка, в расцвете зрелой красоты, видимо с огоньком, но умеющая скрывать это под маской возвышенной меланхолии. Ему еще не удалось заглянуть в ее глаза, и он восхищался пока лишь красивым изгибом бровей, точеным носом, который хотя и выдавал ее происхождение, но своей благородной формой сообщал профилю изящество и пикантность. Волосы, как и все в ее полной фигуре, отличались чрезвычайной пышностью. Несомненно, это была женщина, пресыщенная поклонением, уверенная в себе и в своих чарах. Тихим голосом она заказывала обед и делала замечания мальчику, бренчавшему вилкой, – все это с видимым безразличием, как будто не замечая осторожного, подкрадывающегося взгляда барона, хотя именно это неотступное внимание было причиной ее изысканного поведения за обедом.

Хмурое лицо барона мигом просияло, складки разгладились, невидимый ток пробежал по нервам, мускулы напряглись, вся его фигура ожила, глаза заблестели. Он сам был немного похож на тех женщин, которым необходимо присут-

ствие мужчины для того, чтобы проявить все свое обаяние. Энергия его пробуждалась только от предвкушения любовной интриги. Так было и сейчас – охотник почуял добычу. Он вызывающе искал ее взгляда, не раз скользнувшего по его лицу, но не дававшего ясного ответа на его вызов. Ему казалось, что губы ее складываются в чуть заметную улыбку, но все это было неопределенно, и эта неопределенность еще больше разжигала его. Единственное, что подавало надежду, – это ее взгляд, упорно смотревший мимо него, – он чувствовал в нем противодействие и в то же время смущение, – и еще нарочитый, рассчитанный на зрителя тон разговора с ребенком. Он чуял за ее слишком подчеркнутым спокойствием легкую тревогу. Сам он тоже был взволнован: игра началась. Он не торопился с обедом; в течение получаса он почти не отрывал глаз от этой женщины, пока не изучил каждую черту ее лица, не проследил взглядом каждую линию ее полной фигуры. За окнами сгущались душные сумерки, лес судорожно вздыхал, словно объятый страхом, огромные дождевые тучи протягивали к нему свои свинцовые серые руки, все темнее становилось в комнате, все сильнее угнетала царившая здесь тишина. Разговор матери с сыном звучал все более принужденно, все более искусственно; было ясно, что он вот-вот оборвется. Тогда барон решил сделать опыт. Он первым встал из-за стола, глядя мимо нее в окно, и медленно направился к дверям. Тут он быстро повернул голову, как будто что-то забыл, – и поймал внимательный взгляд,

устремленный на него.

Это его окрылило. Он остался в вестибюле. Вскоре она появилась, ведя мальчика за руку, мимоходом перелистала журналы, показала сыну несколько картинок. Но когда барон подошел к столу, как будто для того, чтобы взять журнал, а на самом деле чтобы заглянуть поглубже в ее влажно блестящие глаза, может быть, даже завязать разговор, – она отвернулась, похлопала мальчика по плечу и, проговорила: «Viens, Edgar! Au lit»³, спокойно прошла мимо него. Барон не без досады посмотрел ей вслед. Он, собственно, рассчитывал познакомиться в этот же вечер, и ее решительный уход разочаровал его. Но в конце концов в этом сопротивлении была своя прелесть, и как раз неуверенность в успехе подзадоривала его. Так или иначе – он нашел партнера; можно начинать игру.

Внезапная дружба

На другое утро, войдя в вестибюль, барон увидел сына прекрасной незнакомки в оживленной беседе с двумя мальчиками-лифтерами: он показывал им картинки в книге Карла Мея⁴. Его матери не было; вероятно, она была еще занята своим туалетом. Теперь только барон обратил внимание на

³ Идем, Эдгар! Спать пора (*фр.*).

⁴ Мей Карл (1842–1912) – немецкий писатель, автор приключенческих романов из жизни индейцев.

ребенка. Это был застенчивый, физически плохо развитой, нервный мальчуган лет двенадцати, с порывистыми движениями и темными, беспокойными глазами. Как многие дети в этом возрасте, он казался чем-то напуганным, словно его только что разбудили и привели в чужое место. Он был милостив, но черты его еще не определились, борьба между детством и зрелостью, по-видимому, только начиналась; все было лишь намечено, ни одна линия не завершена в его болезненно бледном, нервном лице. К тому же, как всегда в этом неблагодарном возрасте, когда детям все не впору, а тщеславие еще не понуждает их следить за своей наружностью, костюм на нем сидел плохо, рукава и брюки болтались на слишком худых руках и ногах.

Мальчик, слоняясь по вестибюлю без дела, производил довольно жалкое впечатление. В сущности, он всем мешал. То отстранит его портье, к которому он приставал со всякими расспросами, то оттолкнет кто-нибудь от двери. По-видимому, ему не с кем было поговорить. Детская потребность в болтовне побуждала его искать собеседников среди служащих отеля; те отвечали ему, когда у них было время, и тотчас обрывали разговор, как только показывался кто-нибудь из взрослых или срочная работа отзывала их. Барон, улыбаясь, участливо наблюдал бедного мальчика, который на все смотрел с таким любопытством и от которого все неприветливо отворачивались. Один раз он поймал устремленный на него любопытный взгляд, но черные глаза сейчас же испуган-

но метнулись в сторону и спрятались за опущенными веками. Это показалось барону забавным; мальчик заинтересовал его, и он подумал, не может ли этот ребенок, пугливость которого объясняется, вероятно, только застенчивостью, послужить посредником для скорейшего знакомства. Во всяком случае, надо попытаться. Он пошел за мальчуганом, который только что выскочил во двор и, обуреваемый желанием приласкаться, погладил розовые ноздри белой лошадки; но и здесь – ему положительно не везло – кучер довольно грубо отогнал его. Обиженный и скучающий, он бродил по двору, и взгляд у него был пустой и немного грустный. Тут-то барон и заговорил с ним.

– Ну, молодой человек, как тебе здесь нравится? – спросил он, стараясь произнести эти слова самым простым и веселым тоном.

Мальчик покраснел до ушей и боязливо посмотрел на барона. Точно в испуге, он прижал руку к груди и застенчиво переминался с ноги на ногу. Никогда еще с ним не заговаривал чужой человек.

– Спасибо, очень нравится, – еле выдавил он из себя.

– Это меня удивляет, – сказал барон, смеясь. – В сущности, здесь довольно скучно – особенно для такого молодого человека, как ты. Что же ты делаешь целый день?

Мальчуган был еще слишком смущен и не нашелся сразу что ответить. Ведь до сих пор его никто знать не хотел, – неужели этот нарядный господин вправду хочет с ним пого-

ворить? Эта мысль внушала ему одновременно и робость и гордость. Наконец, он собрался с духом.

– Я читаю, и мы много гуляем с мамой. Иногда ездим кататься. Я должен здесь поправиться, я был болен. Доктор сказал, что я должен много сидеть на солнце.

Последние слова он проговорил увереннее. Дети всегда гордятся перенесенной болезнью: они знают, что страх за них удваивает внимание к ним в семье.

– Да, солнце полезно для таких юношей, как ты; тебе надо загорать. Но зачем ты сидишь здесь целый день? В твоём возрасте нужно больше бегать, шалить и даже поозорничать немного. Мне кажется, ты слишком благоденствен, ты такой комнатный, с этой толстой книгой под мышкой. Помню, каким я был сорванцом в твои годы! Каждый вечер приходил домой в рваных штанах. Не надо быть слишком смиренным!

Мальчик невольно улыбнулся, и страх его пропал. Он хотел ответить, но это казалось ему слишком смелым, слишком дерзким по отношению к этому славному незнакомцу, который так ласково разговаривал с ним. Он никогда не был бойким, всегда легко конфузился, а сейчас от радости и смущения пришел в полное замешательство. Ему очень хотелось продолжать беседу, но он ничего не мог придумать. К счастью, явился большой желтый сенбернар отеля, обнюхал их обоих и позволил себя погладить.

– Ты любишь собак? – спросил барон.

– Очень! У моей бабушки есть собака. Когда мы живем в

Бадене, на бабушкиной вилле, собака целый день со мной. Но это только летом, когда мы там гостим.

– У нас в имении их, наверное, десятка два. Если ты будешь хорошим мальчиком, я подарю тебе одну из них. Коричневого щенка с белыми ушами. Хочешь?

Мальчик покраснел от радости.

– Хочу!

Это вырвалось у него горячо и жадно. Но он тотчас прибавил с боязливым сомнением:

– Но мама не позволит. Она говорит, что не потерпит собаку в доме, с ней слишком много хлопот.

Барон улыбнулся. Наконец-то разговор коснулся мамы.

– Разве твоя мама такая строгая?

Мальчик подумал, посмотрел на барона, будто спрашивая, можно ли довериться этому чужому человеку. Ответ последовал осторожный:

– Нет, мама не очень строгая. Теперь, после болезни, она все мне позволяет. Может быть, она даже позволит мне взять собаку.

– Хочешь, я попрошу ее?

– Да, пожалуйста, попросите! – обрадовался мальчуган. – Тогда мама, наверное, позволит. А какая ваша собака? У нее белые уши, да? Она умеет носить поноску?

– Да, она все умеет. – Барон улыбнулся, заметив, как от его слов у мальчугана разгорались глаза. Сразу исчезла застенчивость, и горячность, до сих пор сдерживаемая стра-

хом, прорвалась наружу. Боязливый, запуганный ребенок с быстротой молнии преобразился в резвого шалуна. «Если бы у его матери за сдержанностью скрывалась такая же страстность!» – невольно подумал барон. Но мальчик уже засыпал его вопросами:

– Как зовут вашу собаку?

– Каро.

– Каро! – восторгался мальчик. Он смеялся и радовался каждому слову, опьяненный тем, что кто-то неожиданно отнесся к нему столь дружелюбно. Барон сам удивлялся своему быстрому успеху и решил ковать железо, пока горячо. Он предложил мальчику пойти погулять, и бедный ребенок, изголодавшийся за долгие недели по обществу, был в полном восторге. Он беспечно выбалтывал то, на что его наводил новый друг при помощи безобидных, как бы случайных, вопросов. Вскоре барон уже узнал все о его семье: что Эдгар – единственный сын венского адвоката, принадлежащего, видимо, к состоятельной еврейской буржуазии, что мать не в восторге от пребывания в Земмеринге и жалуется на отсутствие приятного общества; из уклончивого ответа Эдгара на вопрос, очень ли мама любит папу, он уловил, что здесь дело обстоит не вполне благополучно. Ему было почти стыдно той легкости, с какой он выпытал у доверчивого мальчика все эти маленькие семейные тайны. Эдгар, гордясь тем, что кто-то со вниманием слушает его, почти навязывал новому другу свою откровенность. Барон обнимал его за плечи, и

Эдгар, от мысли, что все могут видеть его в дружеской беседе со взрослым, мало-помалу забыл о разнице в годах и болтал свободно и непринужденно, как со своим сверстником. Эдгар был, судя по всему, очень умен, не по возрасту развит, как почти все болезненные дети, которые проводят больше времени со взрослыми, чем с товарищами в школе, и отличался необычайно обостренным чувством любви или ненависти. Ни к чему у него не было спокойного отношения; о каждом человеке, о каждом предмете он говорил либо восторженно, либо с таким отвращением, что лицо его перекашивалось и становилось злым и некрасивым. В горячности, с какой он говорил, было что-то необузданное, порывистое; быть может, в этом сказывались последствия недавно перенесенной болезни; казалось, что его угловатость не что иное, как с трудом подавляемый страх перед собственной страстью.

Барон без всяких усилий приобрел его доверие. Всего полчаса потребовалось на то, чтобы завладеть этим пылким, беспокойно бьющимся сердцем. Так бесконечно легко обманывать детей, эти простодушные создания, любви которых так редко добиваются. Ему стоило только перенестись в прошлое – и он так естественно и непринужденно вошел в тон детской болтовни, что мальчику казалось, будто он разговаривает с равным, и уже через несколько минут от его робости не осталось и следа. Он был счастлив, что здесь, в этом пустынном месте, неожиданно нашел друга – и какого друга!

Забыты венские товарищи с их тоненькими голосами и наивной болтовней, вычеркнуты из памяти с этого знаменательного часа. Вся его восторженная привязанность принадлежала теперь этому новому, взрослому другу. Его сердце преисполнилось гордости, когда барон, прощаясь, предложил ему завтра утром опять погулять вместе и уже издали еще раз кивнул ему, как брату. Это была, может быть, лучшая минута в его жизни. Ничего нет легче, как обманывать детей.

Барон с улыбкой смотрел вслед убежавшему мальчику. Посредник был найден. Он знал, что мальчик замучит теперь свою мать рассказами, передаст ей каждое слово, – и он с удовольствием припомнил, как ловко он вставил в разговор несколько комплиментов по адресу матери, неизменно называя ее «твоя красивая мама». Можно не сомневаться, что общительный мальчик не успокоится, пока не познакомит его со своей матерью. Он сам больше палец о палец не ударит, чтобы сократить расстояние между собой и прелестной незнакомкой; он может спокойно наслаждаться красотами природы и мечтать: он знает, что горячие детские руки прокладывают для него мост к ее сердцу.

Трио

План барона, как обнаружилось в тот же день, оказался отличным, превосходным и удался до мельчайших подробностей. Когда барон – нарочно с некоторым опозданием –

вошел в столовую, Эдгар вскочил со стула, поклонился со счастливой улыбкой и помахал ему рукой; потом потянул свою мать за рукав, быстро и взволнованно что-то шепча ей и кивая на барона. Она, краснея и смущаясь, пожурила его за слишком шумное поведение, но была вынуждена, уступая настойчивому желанию мальчика, взглянуть в сторону барона, который немедленно воспользовался этим и отвесил почтительный поклон. Итак – знакомство состоялось. Ей пришлось ответить на его поклон, но затем она нагнулась над тарелкой и в течение всего обеда больше ни разу не посмотрела на него. Иначе держал себя Эдгар, который все время поглядывал на барона и раз даже попытался заговорить с ним через стол, но это было уже явное неприличие, и мать строго остановила его. После обеда, когда она велела ему идти спать, он стал шептаться с ней, видимо горячо упрасывая ее, и, наконец, получил разрешение подойти к соседнему столику и проститься со своим другом. Барон сказал ему несколько ласковых слов, от чего глаза мальчика опять заблестели, и минуты две поболтал с ним. Потом барон встал и, повернувшись изящным движением к соседке, поздравил несколько смущенную мать с таким умным, развитым сыном, упомянул об удовольствии, которое доставила ему утренняя прогулка, – Эдгар стоял тут же, весь красный от гордости и счастья, – и в заключение стал расспрашивать об его здоровье так заботливо и подробно, что она не могла не отвечать. Незаметно завязалась продолжительная беседа,

к которой мальчик прислушивался почти благоговейно, сияя от счастья. Барон представился, и ему показалось, что его имя и титул польстили ее тщеславию. Во всяком случае, она была очень любезна с ним, хотя и сдержанна, и даже рано простилась, под предлогом, что мальчику пора спать.

Эдгар попытался протестовать, горячо уверяя, что он ничуть не устал и готов просидеть хоть всю ночь, но мать уже протянула барону руку; тот почтительно приложился к ней.

Мальчик плохо спал эту ночь. В его детской душе радость боролась с отчаянием. Что-то новое вошло сегодня в его жизнь. Впервые он приобщился к жизни взрослых. В полусне он забывал свой возраст, и ему казалось, что он и сам уже не мальчик. Он рос одиноким, болезненным ребенком, друзей у него было мало. Для утоления потребности в ласке он мог обращаться только к родителям, которые мало им интересовались, да к прислуге. Силу вспыхнувшего чувства нельзя измерять только непосредственным поводом к нему, не принимая во внимание той мрачной полосы тоски и одиночества, которая предвещает все большие события в жизни сердца. Эдгара давно томил тяжелый груз нерастратченных чувств, и теперь он очертя голову бросился в объятия первому, кто показался ему достойным любви. Он лежал в темноте, взволнованный, счастливый; ему хотелось смеяться, но из глаз текли слезы, ибо он любил этого человека, как никогда не любил ни друга, ни отца, ни матери, ни даже Бога. Всем своим детским, неискушенным сердцем тянулся он к тому,

чьё имя впервые узнал два часа тому назад.

Но мальчик он был неглупый, и его не смущала неожиданность этой странной дружбы. Мучило его другое: сознание своей ничтожности. «Достоин ли я его, я, двенадцатилетний мальчишка, который должен ходить в школу, которого раньше всех посылают спать? – спрашивал он себя. – Чем я могу быть для него, что я могу ему дать?» Именно это чувство неполноценности, бессилие проявить свою любовь приводило его в отчаяние. Обычно, полюбив кого-нибудь из товарищей, он прежде всего делился с ним сокровищами, припрятанными в парте: камушками или марками, но все эти детские пустячки, еще вчера казавшиеся ему бесценными, теперь сразу поблекли, потускнели и потеряли всякую прелесть в его глазах. Мог ли он предложить их своему новому другу, к которому он даже не смел обратиться на «ты»? Есть ли путь, есть ли возможность выразить ему свои чувства? Все сильнее терзался он сознанием своей незрелости, сознанием, что он еще только полчеловека, только двенадцатилетний ребенок; никогда еще не проклинал он так бурно свой детский возраст, никогда не испытывал такой жажды проснуться иным, таким, каким видел себя во сне: большим и сильным, мужчиной, таким, как все взрослые.

В эти тревожные мысли вплетались первые радужные мечты о новом мире взрослого мужчины. Эдгар, наконец, заснул с улыбкой на устах, но спал он беспокойно, даже во сне не забывая о завтрашнем свиданье. Боясь опоздать, он вско-

чил уже в семь часов, поспешно оделся, зашел поздороваться в комнату матери, чем очень удивил ее, так как обычно она никак не могла поднять его с постели, и, не отвечая на ее вопросы, побежал вниз. До девяти часов он слонялся, сторя от нетерпения, забыв о завтраке, занятый одной мыслью – не заставить ждать своего друга.

В половине десятого барон, наконец, неторопливо, с самым беспечным видом спустился в вестибюль. Он, конечно, давно забыл о данном обещании, но когда Эдгар стремительно кинулся к нему, он улыбнулся этому страстному порыву и выразил готовность сдержать свое слово. Он взял мальчика под руку, прошелся немного со своим юным, сияющим от счастья спутником, однако отказался – мягко, но решительно – предпринять сейчас же совместную прогулку. Он как будто чего-то ждал, судя по нетерпеливым взглядам, которые он бросал на дверь. Вдруг барон насторожился. Мать Эдгара вошла в вестибюль и, приветливо ответив на поклон барона, направилась к ним. Она одобрительно улыбнулась, услышав о предполагаемой прогулке, о которой Эдгар не рассказал ей, ревниво храня заветную тайну, и ответила согласием на приглашение барона принять в ней участие.

Эдгар сразу насупился, кусая губы. Какая досада, что она вошла именно в эту минуту! Эта прогулка всецело принадлежала ему: если он и представил своего друга маме, то это была лишь любезность с его стороны, а уступать его он не намерен. Заметив галантное обращение барона с матерью,

он уже испытывал нечто вроде ревности.

Они отправились на прогулку втроем, и слишком явное внимание, которое оба взрослых спутника уделяли ребенку, укрепляло в нем опасное сознание собственной значительности. Эдгар был почти единственным предметом их беседы: мать с несколько преувеличенной тревогой говорила о том, какой он бледненький и нервный, а барон, со своей стороны, возражал ей, улыбаясь, и рассыпался в похвалах своему «другу», как он его называл. Никогда еще мальчик не был так счастлив. Впервые ему предоставили права, которых он всегда был лишен. Он принимал участие в разговоре, и никто не останавливал его; он даже выражал дерзкие пожелания, и ему не влетало за это. Неудивительно, если в нем с каждой минутой усиливалось обманчивое чувство, что он уже взрослый. Он тешил себя мыслью, что детство уже осталось позади, как сброшенное платье, из которого он вырос.

Во время обеда, по приглашению матери Эдгара, которая становилась все приветливей, барон сидел за их столом. Визави превратился в соседа, знакомый – в друга. Трио было настроено, и три голоса – женский, мужской и детский – звучали в полной гармонии.

Атака

Нетерпеливый охотник решил, что настало время подкрасться к дичи. Семейственный ансамбль наскучил ему.

Очень мило сидеть втроем и болтать, но, в конце концов, не болтовня же была его целью. А он знал, что салонный тон, требующий маскировки желаний, всегда мешает достижению цели, ибо лишает слова горячности, а натиск – пыла. Надо сделать так, чтобы за светской беседой она не забывала об его истинных намерениях, которые – в этом он не сомневался – она уже разгадала.

Было много шансов, что его усилия увенчаются успехом. Она достигла того критического возраста, когда женщина начинает раскаиваться, что всю жизнь была верна мужу, которого, в сущности, никогда не любила, и когда пышный закат ее красоты еще позволяет сделать выбор: быть только матерью или еще раз – в последний – быть женщиной. Жизненный путь, который, казалось, давно уже стал бесспорным, в эту минуту еще раз берется под сомнение, в последний раз магнитная стрелка воли колеблется между надеждой на страсть и окончательным самоотречением. Она стоит перед решающим выбором – жить своей личной жизнью или жизнью своих детей, материнскими или женскими чувствами. И барон, проницательный в такого рода вещах, подметил у матери Эдгара признаки таких колебаний. Она никогда не упоминала в разговоре о своем муже и, в сущности, чрезвычайно мало была посвящена во внутреннюю жизнь своего ребенка. Выражение скуки, завуалированное меланхолией, туманило ее миндалевидные глаза и лишь слегка приглушало таившийся в них огонь. Барон решил идти к цели стремитель-

но и вместе с тем не выказывать поспешности. Напротив, как рыболов, который, приманивая добычу, отпускает леску, он разыгрывал равнодушие, чтобы заставить своего партнера домогаться сближения, хотя на самом деле этого домогался он. Он решил держаться несколько высокомерно, подчеркивая различие в общественном положении; его соблазняла мысль овладеть этой пышной, зрелой красотой, надеясь только на свою наружность, громкое аристократическое имя и холодное обращение.

Игра начинала уже не на шутку волновать его, и поэтому он принудил себя к осторожности. Почти весь день он провел у себя в комнате, в приятном сознании, что его ждут и сожалеют об его отсутствии. Но этот маневр не произвел особенно сильного впечатления на ту, в кого метил барон, зато бедный мальчик совсем истерзался. Эдгар чувствовал себя целый день бесконечно несчастным и потерянным. С упорной, свойственной его возрасту верностью он все эти долгие часы неустанно поджидал своего друга. Уйти или заняться чем-нибудь в одиночестве казалось ему изменой. Он бродил как неприкаянный по коридорам, и с каждым часом горе его усугублялось. Он уже был почти уверен, что с бароном случилось какое-нибудь несчастье или он, Эдгар, нечаянно обидел его, и мальчик чуть не плакал от нетерпения и страха.

Когда барон явился вечером к столу, ему был оказан блестящий прием. Эдгар, невзирая на строгий окрик матери и удивленные взгляды обедающих, бросился к нему навстречу

и бурно обнял его худенькими руками.

– Где вы были? Куда вы ушли? – порывисто спрашивал он. – Мы всюду искали вас.

Услышав это «мы», мать Эдгара покраснела и сказала почти сердито: «Sois sage, Edgar. Assieds toi!»⁵ (Она всегда говорила с ним по-французски, хотя владела этим языком далеко не в совершенстве и при более длительных разъяснениях частенько садилась на мель.)

Эдгар повиновался, но продолжал приставать к барону.

– Ты забываешь, что барон волен делать, что ему угодно. Может быть, ему скучно с нами. – На этот раз она сама говорила и от своего имени, и барон с радостью почувствовал, что она напрашивается на комплимент.

Охотничий инстинкт властно заговорил в нем. Он был опьянен, взволнован – как быстро он напал на след, и дичь уже на расстоянии выстрела. Глаза у него заблестели, кровь кипела, речь лилась легко и свободно. Как всякий чувственный мужчина, он становился вдвойне добрым, вдвойне самим собой, как только замечал, что нравится женщинам; так многие актеры играют с вдохновением лишь тогда, когда чувствуют, что весь зрительный зал покорен ими. Он всегда слыл превосходным рассказчиком, умеющим говорить живо и образно, но сегодня – он выпил несколько бокалов шампанского, заказанного в честь новой дружбы, – он превзошел самого себя. Он рассказывал об охоте в Индии, в которой

⁵ Веди себя прилично, Эдгар. Сядь на место! (*фр.*)

принимал участие, когда гостил у своего друга – знатного англичанина. Он намеренно выбрал такую безопасную тему, кроме того, он догадывался, что эту женщину должна волновать недоступная для нее экзотика. Эдгара же он пленил окончательно: глаза мальчика сверкали от восторга. Он не ел, не пил и жадно ловил каждое слово рассказчика. Ему и не снилось, что он когда-нибудь воочию увидит человека, на самом деле пережившего все эти невероятные приключения, о которых он читал в книжках: охота на тигров, темнокожие индийцы и Джаггернаут – страшная священная колесница, давившая тысячи людей. До сих пор он не верил, что есть на свете такие люди, как не верил в существование сказочных стран, и рассказы барона внезапно открыли перед ним огромный неведомый мир. Он не сводил глаз со своего друга; не дыша смотрел на его руки, убившие тигра. Он едва осмеливался дрожащим голосом задавать вопросы; живое изображение рисовало ему яркие картины: вот его друг верхом на слоне, покрытом пурпурным чепраком, справа и слева темнокожие люди в роскошных тюрбанах, и вдруг из джунглей выскакивает тигр с оскаленными зубами и бьет грозной лапой по хоботу слона. Теперь барон рассказывал еще более увлекательные вещи – к каким хитростям прибегают, охотясь на слонов: старые ручные животные заманивают в загон молодых, диких и резвых. Глаза мальчика лихорадочно блестели. И вдруг – точно нож, сверкнув, упал перед ним –

его мама сказала, взглянув на часы: «Neuf heures! Au lit!»⁶

Эдгар побледнел. Для всех детей слова «иди спать» ужасны, потому что это самое ощутимое унижение, самое явное клеймо неполноценности, самое наглядное различие между взрослыми и ребенком. Но во сколько раз убийственнее этот позор сейчас, в самый интересный момент, когда это лишает его права дослушать столь волнующий рассказ!

– Пожалуйста, мама, одну минутку, только еще про слов.

Он хотел было начать клянчить, но тут же спохватился, вспомнив о своем новом достоинстве взрослого мужчины. Он решился лишь на одну попытку. Но почему-то сегодня мама была необыкновенно строга:

– Нет, нет, поздно. Ступай наверх. Sois sage, Edgar. Я тебе все подробно расскажу, что будет говорить барон.

Эдгар медлил. Обычно мать укладывала его спать. Но он не настаивал, не желая унижаться перед своим другом. Детская гордость заставила его сохранить хотя бы видимость добровольного ухода.

– Правда, мама? Ты расскажешь мне все, все? И про слов и про все другое?

– Расскажу, расскажу.

– И сейчас же! Сегодня же!

– Да, да, а теперь иди спать. Иди!

Эдгар и сам не ожидал, что ему удастся так спокойно по-

⁶ Девять часов! Спать пора! (фр.)

дать руку барону и маме, хотя рыдания уже подступали к горлу. Барон дружески взъерошил ему волосы, и это еще вызвало улыбку на напряженном лице мальчика. Но потом он стремглав бросился к двери – иначе они увидели бы, как крупные слезы текли по его щекам.

Слоны

Мать Эдгара и барон посидели еще немного за столом, но они уже не говорили ни о слонах, ни об охоте на тигров. Едва мальчик ушел, между собеседниками возникла какая-то неловкость, какое-то неуловимое беспокойство. В конце концов они перешли в вестибюль и уселись в уголок. Барон блистал остроумием, она была слегка разгорячена шампанским, и их разговор сразу принял опасный оборот. Барона, собственно говоря, нельзя было назвать красивым; но он был молод, его смуглое энергичное лицо, мальчишески коротко стриженные волосы, быстрые, почти развязные движения пленяли ее своей юношеской непосредственностью. Она теперь с удовольствием смотрела на него вблизи и уже не боялась его взгляда. Но мало-помалу его слова становились более вольными, в них проскальзывало едва прикрытое желание – как будто он прикасался к ее телу, – и тогда она смущалась и краснела. Потом он снова смеялся весело, непринужденно, и это сообщало всем этим маленьким нескромностям видимость детской шутки. Ей иногда каза-

лось, что она должна бы его строго остановить, но она была кокетлива от природы, и эта фривольная игра нравилась ей; в конце концов она сама увлеклась и даже стала подражать ему. Она бросала на него многообещающие взгляды, в словах и жестах уже отдавалась ему, когда он придвигался так близко, что она чувствовала на плече его теплое, трепетное дыхание. Подобно всем игрокам, они не заметили, как пролетело время, и опомнились только в полночь, когда начали гасить огни.

Она вскочила и с испугом подумала о том, как далеко она позволила себе зайти. Игра с огнем не была для нее новинкой, но она безотчетно понимала, что на этот раз ей грозит опасность. С ужасом чувствовала она, что теряет уверенность в себе, что почва ускользает из-под ног и все представляется ей смутным, как в бреду. Голова кружилась от волнения, вина и страстных слов, безрассудный, панический страх охватил ее, – как уже не раз в такие опасные минуты, – но впервые в жизни он овладел ею с такой властной силой.

– Покойной ночи, покойной ночи. До завтра, – торопливо проговорила она, порываясь бежать. Бежать не столько от него, сколько от опасности этой минуты, от новой, странной неуверенности в самой себе. Но барон, с мягкой настойчивостью удержав протянутую для прощания руку, поцеловал ее, и не один раз, как требует вежливость, а несколько раз – от кончиков тонких пальцев до сгиба кисти, и она с легкой дрожью ощутила на своей руке щекочущее прикосновение

его жестких усов. Томительное сладостное тепло разлилось по всему телу, кровь бросилась ей в голову, бешено застучала в висках, страх, безотчетный страх вспыхнул с новой силой, и она быстро отдернула руку.

– Не уходите, – прошептал барон. Но она уже убежала от него с неловкой поспешностью, которая изобличала ее страх и растерянность. Он добился своего: она была в волнении, в тревоге, она уже сама не понимала, что с ней творится. Ее гнал жестокий, жгучий страх, что он последует за ней и схватит ее, и вместе с тем она жалела, что он этого не сделал. Ведь сейчас могло свершиться то, чего она бессознательно ждала годами, настоящее любовное приключение, о котором она всегда втайне мечтала, но перед которым до сих пор всегда отступала в последнюю минуту, – приключение опасное и захватывающее, а не легкий, мимолетный флирт. Но барон был слишком горд, чтобы воспользоваться удобным случаем. Уверенный в победе, он не хотел овладеть этой женщиной в минуту слабости и опьянения; правила игры требовали честного поединка, – она сама должна признать себя побежденной. Ускользнуть от него она не могла. Он видел, что отравя уже проникла в кровь.

На площадке лестницы она остановилась, тяжело дыша, прижав руку к бьющемуся сердцу. Нервы были натянуты до предела. Из груди вырвался вздох не то радости, не то сожаления; мысли путались, голова слегка кружилась. С полужакрытыми глазами, точно пьяная, добралась она до своей

комнаты и вздохнула свободно, лишь когда схватилась за холодную ручку двери. Только теперь она почувствовала себя вне опасности!

Она тихонько приоткрыла дверь и тут же испуганно отшатнулась. Что-то зашевелилось в глубине темной комнаты. Перенапряженные нервы не выдержали, она уже открыла рот, чтобы поднять крик, когда раздался тихий, сонный голос:

– Это ты, мама?

– Господи боже мой, что ты здесь делаешь? – Она бросилась к дивану, где лежал, свернувшись клубочком, Эдгар. Ее первой мыслью было, что ребенок заболел или с ним случилось несчастье.

Но Эдгар, еще полусонный, сказал с легким упреком:

– Я ждал тебя, ждал, а потом заснул.

– Зачем же ты ждал меня?

– А слоны?

– Какие слоны?

Тут только она поняла. Она ведь обещала ему еще сегодня рассказать про охоту и все приключения. И мальчик прокрался в ее комнату, простодушный, глупый мальчик, и доверчиво ждал ее прихода, пока не заснул. Этот нелепый поступок возмутил ее. Или, вернее, она сердилась на самое себя, ей хотелось заглушить шевельнувшееся в ней чувство стыда и вины.

– Сию минуту иди спать, негодный мальчишка! – крикну-

ла она. Эдгар посмотрел на нее с изумлением. Почему она так сердится на него, ведь он ничего дурного не сделал? Но его удивление еще больше разозлило ее. – Иди сейчас же к себе в комнату! – закричала она в бешенстве, чувствуя, что не права. Эдгар ушел, не проронив ни слова. Он ужасно устал и только сквозь давивший его сонный туман смутно чувствовал, что его мать не сдержала слова и что с ним поступили нехорошо. Но он не спорил. Все в нем отупело от усталости. Кроме того, он очень досадовал на себя за то, что заснул, вместо того чтобы дождаться матери. «Точно маленький ребенок», – с возмущением подумал он, прежде чем опять заснуть.

Ибо со вчерашнего дня он ненавидел свое детство.

Перестрелка

Барон плохо спал эту ночь. Всегда опасно ложиться спать после прерванного приключения; беспокойный, тяжелый сон очень скоро заставил его пожалеть об упущенном случае. Когда утром, невыспавшийся и мрачный, он спустился вниз, мальчик, выскочив из засады, бросился ему навстречу, восторженно обнял его и начал приставать с вопросами. Эдгар был счастлив, что может хоть на минуту всецело завладеть своим взрослым другом, не уступая его матери. Пусть он расскажет только ему, а не маме, настойчиво просил он, – она не сдержала слова и ничего ему не рассказала о всех чудесах.

Он засыпал застигнутого врасплох барона, не скрывавшего своего дурного настроения, сотней назойливых детских вопросов. К ним он примешивал бурные изъявления своей любви, не помня себя от счастья, что наконец он опять наедине со своим другом, которого дожидался с раннего утра.

Барон отвечал неприветливо. Это вечное выслеживание, наивные вопросы мальчика и его чрезмерная, непрощенная любовь становились ему в тягость. Изволь изо дня в день возиться с двенадцатилетним мальчишкой и болтать всякий вздор! Барон хотел только одного: ковать железо, пока горячо, остаться с матерью Эдгара наедине, а это было нелегкой задачей. Именно из-за назойливости мальчика. Впервые он подумал с неудовольствием, что поступил неосмотрительно, возбудив столь горячую дружбу, но пока он не видел средства отделаться от чересчур привязчивого мальчика.

Все же барон решил попытаться. До десяти часов, когда он, согласно уговору, должен был сопровождать на прогулке мать Эдгара, барон терпеливо сносил оживленную болтовню мальчика, почти не слушал его, лишь изредка вставляя слово, чтобы не обидеть его, и в то же время перелистывая газету. Как только часовая стрелка подошла почти вплотную к десяти, барон, точно вдруг что-то вспомнив, попросил Эдгара сходить в гостиницу напротив и узнать, не приехал ли его кузен, граф Грундгейм.

Ничего не подозревая, мальчик, счастливый, что может наконец услужить своему другу, гордясь важным поручени-

ем, сейчас же сорвался с места и помчался через дорогу так стремительно, что прохожие удивленно смотрели ему вслед. Но ему хотелось показать, как усердно он исполняет свою обязанность гонца. В гостинице ему сказали, что граф еще не приехал и даже не предупредил о своем приезде. С этим известием он прибежал обратно с той же бешеной скоростью. Но барона в вестибюле не было. Тогда Эдгар постучал к нему в комнату – тщетно! Встревоженный, он обегал все помещения, заглянул в гостиную, где стоял рояль, в кафе; потом бросился в комнату матери, чтобы расспросить ее; но матери тоже не было! Портье, к которому он с отчаяния решил обратиться, сказал, к крайнему его изумлению, что несколько минут тому назад они ушли вместе.

Эдгар терпеливо ждал. В простоте своей он не подозревал ничего дурного. Он был уверен, что они скоро вернуться, – ведь барону нужно получить ответ. Но часы проходили – и понемногу им овладевало беспокойство. Вообще с того дня, как этот чужой, обольстительный человек вторгся в его маленькую, беззаботную жизнь, мальчик все время нервничал, волновался, не знал покоя. В хрупком детском организме любое слишком сильное чувство оставляет глубокий след, как на мягком воске. Нервное дрожание век возобновилось, щеки опять побледнели. Эдгар ждал и ждал – сперва спокойно, потом в неистовом волнении, под конец едва удерживаясь от слез. Но он все еще ничего не подозревал. Слепо веря в своего чудесного друга, он предполагал, что произо-

шло какое-нибудь недоразумение, и его мучил тайный страх, что он не так понял данное ему поручение.

Но как странно ему показалось, что, когда они наконец вернулись, его мать и барон продолжали весело болтать и не выразили ни малейшего удивления. Как будто они совершенно не заметили его отсутствия.

– Мы пошли тебе навстречу, Эди, и думали увидеть тебя по дороге, – сказал барон, даже не спрашивая об ответе, а когда мальчик, испугавшись, что они напрасно его искали, начал уверять, что он бежал прямым путем, и стал расспрашивать, по какой дороге они шли, мама оборвала разговор:

– Будет, будет! Детям не полагается так много болтать.

Эдгар покраснел от досады. Это была уже вторая попытка унижить его в глазах друга. Для чего она это делает? Зачем она так старается представить его ребенком, когда он твердо знает, что уже большой. Ясно, она завидует ему и хочет отнять у него друга. И это, наверное, она нарочно повела его другой дорогой. Но он не позволит, чтобы с ним так обращались, – он ей это докажет. Он сумеет постоять за себя. И Эдгар решил ни слова не говорить с ней сегодня за столом и обращаться только к другу.

Но эта уловка не удалась. Случилось то, чего он меньше всего ожидал: никто не заметил, что он дуется. Да они и его самого как будто не замечали, а ведь еще вчера разговор вертелся только вокруг него; теперь они разговаривали между собой, шутили, смеялись, точно его и не было, точно он сва-

лился под стол. Кровь бросилась ему в лицо, комок подступал к горлу, дышать стало трудно. С горечью думал он о своем бессилии.

Значит, он должен спокойно сидеть и смотреть, как мать отнимает у него друга – единственного человека, которого он любит, – и ничего не может сделать против этого, кроме как молчать. Ему хотелось встать со стула и ударить кулаками по столу – хотя бы для того, чтобы напомнить им о себе. Но он сдержался, только положил нож и вилку и не дотронулся до еды. Однако и это долго оставалось незамеченным, и лишь когда подали последнее блюдо, мать обратила внимание, что он не ест, и спросила, не болен ли он. «Противно, – подумал он, – у нее только одна мысль, не болен ли я, все остальное ей безразлично». Он сухо ответил, что ему не хочется есть, и она этим удовлетворилась. Ничем, решительно ничем не мог он привлечь к себе внимание. Барон как будто совсем забыл о нем, по крайней мере он не сказал ему ни слова. Слезы жгли Эдгару глаза, и он даже прибегал к детской хитрости – закрывался салфеткой, чтобы никто не увидел, как эти унижительные ребячьи слезы текут по лицу, оставляя на губах соленый вкус. Наконец, обед кончился, и он вздохнул свободно.

Во время обеда мать предложила совместную поездку в Мариа-Шутц. Услышав это, Эдгар закусил губу. Ни на минуту она не оставит его наедине с другом. Но как же он возненавидел ее, когда она сказала, вставая из-за стола:

– Эдгар, ты забудешь все, что проходили в школе, ты бы посидел немного дома и позанимался.

Эдгар сжимал маленькие кулаки. Опять она унижает его перед другом, опять напоминает, что он еще ребенок, что он должен ходить в школу и что его только терпят среди взрослых. Но на этот раз ее намерение было слишком явно, – он даже не ответил и повернулся к ней спиной.

– Ну вот, уж и обиделся, – проговорила она с улыбкой и обратилась к барону: – Неужели так страшно посидеть часок над уроками?

И тут – сердце мальчика словно застыло и оцепенело – барон, который называл себя его другом, барон, который смеялся над тем, что он слишком комнатный, сказал:

– Позаниматься часок-другой не помешало бы.

Что это – уговор? Неужели они правда в союзе против него? Глаза мальчика вспыхнули от гнева.

– Папа запретил мне заниматься. Папа хочет, чтобы я здесь поправился, – бросил он, со всей гордостью своей болезнью, в отчаянии цепляясь за авторитет отца. Это прозвучало как угроза. И вот что удивительно: его слова в самом деле смутили обоих. Мать отвернулась и в волнении забарабанила пальцами по столу. Наступило неловкое молчание.

– Как хочешь, Эди, – проговорил наконец барон, принужденно улыбаясь. – Мне экзаменов не сдавать, я давно провалился по всем предметам.

Но Эдгар не улыбнулся шутке барона, а посмотрел на него

таким испытующим пристальным взглядом, как будто хотел заглянуть ему в самую душу. Что случилось? Что-то изменилось в их отношениях, и мальчик не мог понять причины. Он отвел глаза. В его сердце торопливо и дробно стучал молоточек – первое подозрение.

Жгучая тайна

«Что с ними? – думал мальчик, сидя против них в быстро катившейся коляске. – Почему они со мной не такие, как раньше? Почему мама не смотрит мне в глаза? Почему он все шутит со мной и ломается? Они не разговаривают со мной, как вчера и позавчера. У них даже лица какие-то другие. У мамы такие красные губы – верно, она их накрасила. Этого я еще никогда не видел. А он все морщит лоб, как будто его обидели. Я им ничего не сделал, не сказал ни слова. Почему же они сердятся? Нет, не во мне дело, они сами не такие друг с другом, как раньше. Как будто они натворили что-то и боятся об этом говорить. Они не болтают, как вчера, не смеются, им будто стыдно, они что-то скрывают. У них есть какая-то тайна, которую они не хотят мне выдать. Я должен раскрыть эту тайну во что бы то ни стало. Я знаю – это, должно быть, то же самое, из-за чего взрослые всегда захлопывают двери передо мной, о чем пишут в книгах и поют в операх, когда женщины и мужчины протягивают друг к другу руки, обнимаются, а потом отталкивают друг друга. Должно

быть, это вроде того, что было с моей француженкой, когда она поссорилась с папой и ей отказали. Все это, по-моему, одно и то же, только я не знаю почему. Если бы узнать, узнать наконец эту тайну, завладеть ключом, который откроет все двери, перестать быть ребенком, от которого все прячут и скрывают, не давать больше себя обманывать! Теперь или никогда! Я вырву у них эту тайну, эту страшную тайну!»

На лбу у него прорезалась морщинка. Худенький двенадцатилетний мальчик, застывший в глубоком раздумье, казался почти стариком; ни разу не взглянул он на расцвеченный яркими красками пейзаж, на горы, зеленеющие свежей хвоей сосновых лесов, на долины в еще робком сиянии запоздалой весны. Он видел только свою мать и барона, сидевших против него в коляске, он словно пытался своим горячим взором, как удочкой, выловить тайну из поблескивающих глубин их глаз. Ничто так не оттачивает ум, как мучительное подозрение, ничто с такой силой не поощряет работу незрелого разума, как след, теряющийся в потемках. Иногда только тоненькая дверь отделяет детей от мира, который мы называем реальным миром, и случайный порыв ветра может распахнуть ее перед ними.

Эдгар вдруг почувствовал, что он еще никогда так близко не подходил к неведомому, к великой тайне; она была здесь, перед ним, пока еще не раскрытая, не разгаданная, но совсем, совсем близко от него. Это волновало его и сообщало ему необычную, торжественную серьезность. Ибо он безот-

четно угадывал, что стоит на рубеже своего детства.

Мать Эдгара и барон чувствовали это глухое сопротивление, не подозревая, что оно исходит от сидящего против них мальчика. Им было тесно и неловко втроем в коляске. Темные, горевшие беспокойным огнем глаза Эдгара стесняли их. Они почти не решались говорить, не решались смотреть друг на друга. К прежней легкой светской беседе путь был закрыт, они слишком втянулись в тон иносказаний, под которым скрывается тайный трепет нескромных вожделений. Разговор не завязывался; они то и дело умолкали, словно споткнувшись о препятствие, начинали снова и опять умолкали, подавленные упорным молчанием мальчика.

Особенно тягостно было его мрачное молчание для матери. Она осторожно взглянула на него, увидела его плотно сжатые губы и впервые с испугом заметила, как он похож на своего отца в минуты раздражения или досады. Напоминание о муже было очень неприятно сейчас, когда она увлеклась любовной игрой. Бледный темноглазый мальчик с нахмуренным лбом и настороженным взглядом казался ей зловещим призраком, стражем ее совести, и оттого что он сидел так близко от нее в тесноте коляски, его присутствие вдвойне угнетало ее. Вдруг Эдгар поднял взгляд, и в то же мгновение и он и она опустили глаза: впервые в жизни мать и сын почувствовали, что следят друг за другом. До сих пор они слепо доверяли друг другу, но теперь что-то изменилось, что-то встало между ними. Впервые в жизни они наблюдали друг

друга со стороны, отделяли свою судьбу от судьбы другого – уже с затаенной ненавистью, столь новой для них, что они еще не смели сознаться себе в этом.

Все трое облегченно вздохнули, когда коляска остановилась перед гостиницей. Прогулка не удалась. Это чувствовали все, но никто не решался высказать. Эдгар первый выпрыгнул из коляски. Его мать, под предлогом головной боли, поспешно поднялась к себе. Она очень устала, и ей хотелось побыть одной. Эдгар и барон остались внизу. Барон расплатился с кучером, посмотрел на часы и направился в вестибюль, не обращая внимания на мальчика. Стройный, изящный, он прошел мимо него своей легкой, упругой походкой, которая так пленяла Эдгара, что он еще вчера пытался подражать ей перед зеркалом. Он прошел мимо Эдгара, даже не взглянув на него. Очевидно, он забыл о мальчике, оставил его стоять возле коляски с лошадьми, как будто ему нет до него никакого дела.

Когда Эдгар увидел, с каким равнодушием от него уходит тот, кого он, несмотря ни на что, все еще боготворил, отчаяние охватило его. Ушел, даже не задев его плащом, не сказав ни слова. За что? Он не чувствовал за собой никакой вины. Самообладание, стоившее ему такого труда, изменило ему; насильно поддерживаемое бремя собственного достоинства соскользнуло с его слабых плеч, и он опять стал ребенком – беспомощным, покорным, каким был еще вчера. Против своей воли, уступая внезапному непреодолимому порыву, он

догнал барона, загородил ему дорогу к лестнице и, весь дрожа, сказал сдавленным голосом, едва удерживая слезы:

– Что я вам сделал, что вы меня и знать не хотите? Почему вы со мной обращаетесь, как с чужим? И мама тоже. Почему вы всегда отсылаете меня? Разве я вам мешаю или я в чем-нибудь виноват?

Барон смутился. В голосе мальчика было что-то, что его пристыдило, тронуло. Ему стало жаль простодушного мальчугана.

– Эди, ты дурачок! Просто я сегодня не в духе. А ты хороший мальчик, и я тебя очень люблю.

Он крепко потрепал Эдгара за вихор, но отвернулся, чтобы не смотреть в полные слез молящие детские глаза. Комедия, которую он разыгрывал, начинала его тяготить. Ему стало совестно, что он с таким холодным расчетом возбудил к себе любовь этого ребенка, и больно было слушать его тоненький, вздрагивающий от затаенных рыданий голос.

– Ступай наверх, Эди, а вечером мы опять будем дружить, вот увидишь, – сказал он примирительно.

– И вы скажете маме, чтобы она не отсылала меня спать? Правда?

– Скажу, Эди, скажу, – улыбнулся барон. – А теперь иди, мне нужно переодеться к обеду.

Эдгар, успокоенный, поднялся к себе. Но скоро в его сердце опять застучал молоточек. Со вчерашнего дня он стал старше на несколько лет; неведомый гость – недоверие – уже

прочно поселился в его детском сердце.

Он ждал. Ведь скоро все должно было решиться. За обедом они сидели втроем. Время подошло к девяти часам, но мать не посылала его спать. Это встревожило его. Почему она, вопреки обыкновению, как раз сегодня позволяет ему так долго оставаться внизу? Уж не сказал ли барон об их уговоре? Он уже горько раскаивался в том, что побежал за бароном и так доверчиво излил ему душу. В десять часов его мать вдруг поднялась и простилась с бароном. И странно: видимо, и он не удивился такому раннему уходу и не удерживал ее. Все громче стучал молоточек в груди мальчика.

Наступил решительный момент. Он, как ни в чем не бывало, без возражений последовал за матерью. Но, дойдя до двери, он вдруг поднял глаза. И в эту секунду он поймал улыбающийся взгляд матери, брошенный через его голову в сторону барона, – взгляд, изблещавший тайный сговор. И так, барон предал его. Вот почему мать так рано уходит: они решили сегодня рассеять его подозрения, чтобы он не мешал им завтра.

– Негодяй, – пробормотал он.

– Что ты говоришь? – спросила мать.

– Ничего, – процедил он сквозь зубы. И у него теперь есть своя тайна. Имя ей – ненависть, безграничная ненависть к ним обоим.

Молчание

Волнение Эдгара улеглось. Наконец все прояснилось и стало на место. И так – ненависть и открытая вражда. Теперь, когда он убедился, что он им в тягость, быть с ними сделалось для него изощренным, жестоким наслаждением. Он упивался мыслью, что мешает им, что может наконец сразиться с ними во всеоружии своей вражды. Первый вызов он бросил барону. Когда тот утром спустился вниз и, проходя мимо, ласково проговорил: «Мое почтение, Эди», Эдгар, не глядя на него и не вставая с кресла, проворчал: «Доброе утро», а на вопрос: «Мама уже внизу?», не отрывая глаз от газеты, ответил: «Не знаю».

Барон опешил. Что с ним случилось?

– С левой ноги встал, да, Эди?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.